

Виктор Королев

Генерал Милорадович

Виктор Владимирович Королев Генерал Милорадович

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28926462
Генерал Милорадович: «Союз писателей»; Новокузнецк; 2017
ISBN 978-5-00073-557-2*

Аннотация

Дни стали совсем короткими. Солнце не успевало пробиться сквозь серую хмарь, окутавшую столицу. Снег лёг давно, но поначалу его сдувало ветром с Финского залива, и приказа чистить центральные улицы не было. Потом в одночасье засыпало всё белым – и сразу стало светлее в городе. Зима началась. Потянуло отовсюду печным дымом. И звуки стали другие: вместо цокота копыт – скрип полозьев да забытое ямщицкое «Поберегись!». Слышно даже через двойные оконные рамы. А так в городе тихо, спокойно. Траурная епанча по безвременно ушедшему императору Александру I заказана. Законному престолонаследнику Константину Павловичу чиновничество и армия уже присягнули...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Королев

Генерал Милорадович

© Королев В. В., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

* * *

Глава 1

Затишье перед бунтом

Дни стали совсем короткими. Солнце не успевало пробиться сквозь серую хмарь, окутавшую столицу. Снег лёг давно, но поначалу его сдувало ветром с Финского залива, и приказа чистить центральные улицы не было. Потом в одночасье засыпало всё белым – и сразу стало светлее в городе. Зима началась. Потянуло отовсюду печным дымом. И звуки стали другие: вместо цокота копыт – скрип полозьев да забытое ямщицкое «Поберегись!». Слышно даже через двойные оконные рамы. А так в городе тихо, спокойно. Траурная епанча по безвременно ушедшему императору Александру I заказана. Законному престолонаследнику Константину Павловичу чиновничество и армия уже присягнули...

Спал плохо. Вчера ужинали поздно. После воскресной службы отправился в театр. Давали «Кавказского пленника, или Тень невесты». За три года, прошедшие с премьеры, он видел этот балет неоднократно. И с душкой Истоминой, и с более недоступными балеринами на первых ролях.

Трактовка Шарля Дидло ему нравилась своим мажорным финалом. Поэму Пушкина не жаловал, как и самого стихотворца. Пять лет назад получил личное распоряжение от императора Александра допросить молодого поэта. Уже и за-

был, почему принимал Пушкина не в канцелярии. То ли сам так предписал, то ли этот наглый отрок решил свой нрав показать – какая теперь разница? Но явился отрок в чиновничьем сюртуке, без шляпы.

Такой невысокого роста мальчик, резвый, кудрявый, смуглявый, с живыми серо-голубыми глазами. Жаль было тратить на него своё время, потому сразу задал вопрос построже:

– По вверенному мне городу ходят в списках за вашим именем стихи непотребные? Правда ли то?

– Правда, – отвечал тотчас Пушкин. Страху не показал, но добавил: – Эти стихи я сжёг, ваше сиятельство!

– Уж не идя ли в дом к генерал-губернатору, вы соизволили сжечь их, милостивый государь?

Со всей язвительностью спросил – трусость не переваривал никогда.

– Нет, – отвечал молодой курчавый юноша, спокойно и прямо глядя в глаза. – Сжёг я их полгода назад. Хотя помню их наизусть и могу заново написать, коли есть в том потребность.

Это уже поступок! Честность такая порадовала. И в рапорте указал, что «воспитательная беседа проведена с осознанием вины». Не рыться же боевому генералу в подмётных списках! Да и какой из Пушкина противник – пороха не нюхал, службы не знает! Пусть кропает стишки. Не сравнишь ведь его поэму «Кавказский пленник» с балетом Дидло – это

две совершенно разные вещи.

Финальная сцена балета – счастливые танцы на весёлой свадьбе русского пленника и прекрасной черкешенки – генералу очень нравилась. Повидал этих южных красавиц воочию – тут есть от чего голову потерять!

...А после спектакля поехали все к князю Шаховскому. Драматург и его невенчанная жена держали салон. Кто только не побывал в их доме! Хозяину было под пятьдесят. Этот огромный тучный человек с лысой головой, хищным носом и двойным подбородком писал прекрасные водевили и комедии. А вот голос князь имел очень тонкий и даже писклявый, при этом всегда так торопился высказаться, что глотал окончания слов.

«Домоправительница» Екатерина Ежова являлась его фактической женой с юных лет. Действительный статский советник заметил её на вступительных экзаменах: начинающая балерина хотела танцевать в театре. Потом и танцевала – Шаховской специально для неё писал пьесы. Это все знали. Никто не осуждал – наложницами какого-нибудь богатого покровителя почти все балерины мечтали стать. И почти все становились.

К Шаховскому генерал поехал только ради своей Катеньки. Ему не нравилось общество, что собиралось к ужину у хлебосольного князя. Благо бы одни актрисы – тут бы он развернулся. Но здесь бывали Пушкин, Крылов, Гнедич, Загоскин, Карамзин, Бестужев... Не его круг. Уж тем более –

Грибоедов. Этот неудавшийся гусар год назад начал вдруг приударять за его Катенькой Телешовой. Высмотрел приму опять же в пушкинском «Руслане и Людмиле» – и почему-то решил, что составит ей лучшую партию. Цветы слал корзинами, стих посвятил, прямо так и назвал: «Телешовой».

*И вдруг – как ветер, её полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснёт, исчезнет, воздух вьёт
Стопою, свыше окрылённой.*

Каков наглец, а? Мало ему истории с Истоминой, мало отстреленного пальца. «Я ведь могу отстрелить и что-нибудь другое!» – не сказал, а только подумал генерал. И словно услышал его этот стихотворец в очочках, исчез с горизонта Северной столицы...

Катенька Телешова уже присутствовала. И подошла сразу, и села рядом. Было за полночь, когда подали шампанское. Генерал знал, что после ужина они с Катенькой поедут на квартиру, которую он снял для неё. И потому не особо прислушивался к тому, что говорят за столом. Пили за здоровье нового императора Константина, за удачный спектакль, за балетмейстера Дидло, просто за любовь...

Не в первый раз князь Шаховской церемонно припадал на колено и торжественно просил «домоправительницу» пойти с ним под венец. Та смеялась дежурной шутке:

– По мне, так лучше быть любимой актрисой Ежовой, чем

смешной княгиней Шаховской!

И помогала немощному князю подняться. Ей никто не мешал. Но провозгласили тост за любимую актрису Ежову. Потом вдруг:

– За любимую актрису – красавицу Екатерину Телешову!

Генерал очень хотел увидеть, кто из молодых наглецов не в курсе чинопочитания. Когда-то зоркие глаза подвели. Но он явственно услышал, как на другом конце большого стола кто-то чётко продекламировал: «Блеснёт, исчезнет, воздух вьёт стопую, свыше окрылённой...»

Катенька пыталась удержать его руку, когда он вскочил, – где там!

В прихожую она не вышла, осталась за столом. И вообще никто его не провожал. Тем более обидно – генерал-губернатор как-никак! Вышел только Аполлон Майков. До недавнего времени он был директором петербургских императорских театров, но в июне подал прошение об отставке и теперь был свободен и счастлив, имея жену, любовницу и массу законных и незаконнорождённых детей. Он не стал успокаивать графа Милорадовича, сказал коротко:

– Милости прошу, Михаил Андреевич, ко мне на завтрак к десяти часам! День тезоименитства – не манкируйте, умоляю! Жду в доме по Екатерининскому каналу!

Аполлон Александрович прекрасно знал, что завтра утром генерал обязательно приедет в тот дом, но поднимется сначала выше этажом, в квартиру, снятую для Катеньки

Телешовой, но делал вид, что именины его – самое важное событие будущего дня.

На том и простились. Это было вчера, 13 декабря, в воскресенье.

Спал плохо. Долго не мог уснуть. Долго просыпался. Встал в кровати и почему-то вспоминал, как у того же Шаховского немецкая гадалка Кирхгоф предрекла ему скорую гибель. Чёртова ведьма!..

Сразу несколько напольных часов в комнатах стали отбивать половину десятого. Со всех сторон пело и звенело. Тут же встал, крикнул одеваться. До пятидесяти четырёх лет дожил, а всё денщики да адъютанты в услужении. Ни семьи, ни... Нет, любовниц было немерено. Все помнят, как ставил для них шатры в Киеве и Екатерингофе. Да кто знает, за что его любили. За должности и звания? За дорогие подарки?

Умылся ледяной водой. Надел новую рубаху из голландского тончайшего сукна. Мундир парадный – со всеми орденами. Андреевская лента через плечо. Единственный на свете кавалер высших российских орденов и всех европейских держав. Пусть знают!..

У подъезда дома отпустил карету и охрану. Сначала решил всё-таки зайти к Майкову. Ну, Аполлон, встречай, я к тебе тоску-кручину заливать в семейном кругу! И вечером сегодня чтоб танцы были отменные – лучший мазурист соскучился по весёлым па Фредерика Шопена! Идёт генерал не паркетный, а боевой, к тому ж танцор – записной!

С Аполлоном они были на ты – всего-то четыре года разница. Тот был из известной семьи литераторов, сам писал стихи, а женат был на Наталье Серебряковой, которая родила ему одиннадцать детей. Дети подросли, и Аполлон завёл «свою Катеньку». Актриса императорских театров Екатерина Азаревич родила ему троих детей. Она жила на Екатерининском канале, а Аполлон считал это своим вторым домом. Туда и созвал гостей на тезоименитство.

Встретили как самого почётного гостя, усадили в центр стола. Право первого тоста – генерал-губернатору.

– Аполлон, я знаю тебя с войны, – начал генерал. – Ты и тогда проявил себя очень храбрым человеком, из-под носа французов уводя московскую трупку и всю театральную кассу. Не зря тебя нарекли таким именем, благородный сын Зевса. И в это зимнее утро я хочу рассказать всем, что говорят звёзды про нашего именинника, про его характер...

Слушали очень внимательно. Когда совпадало с характером хозяина, смеялись от души и хлопали в ладоши.

– По характеру Аполлоны спокойны, холодны, даже высокомерны. Не поддаются чужому влиянию, не реагируют на угрозы, а вот заинтересовать их чем-то легко. Они стремятся быть первыми, верят в свой талант и умеют убедить в этом других... И дальше говорил как по писаному:

– Аполлон – страстный мечтатель и фантазёр, воображение часто уводит его далеко от реальности. Это сильный человек, добивающийся жизненного успеха. Он обладает пре-

красной памятью, которая всё замечает и систематизирует. Он способен прощать и бескорыстно любить. Он знает, что взоры женщин упоительнее вина, это божественный нектар. Ему нравится красиво принимать гостей, вести интеллектуальные беседы за столом...

В этом месте все опять засмеялись. Чокнулись, выпили шампанского. Только собрался кто-то новый тост сказать, как двери залы распахнулись – начальник тайной полиции, ни с кем не здороваясь, подошёл к генерал-губернатору и что-то прошептал ему на ухо.

Милорадович не стал делать из этого тайны:

– В городе бунт, господа! Прошу извинить, я вынужден вас покинуть!..

Глава 2

Смелого пуля боится

Это он, военный генерал-губернатор Северной столицы, смотрел только что на балерин да на гостей застольных. И мы видели декабрьский Санкт-Петербург его усталыми глазами. А теперь посмотрим непредвзято на самого графа Милорадовича, да не в последний месяц 1825 года, а начиная с рождения его, с малолетства. И чуточку не так, как пишут в справочниках и исторических энциклопедиях. Каждый этап его славной жизни разберём по-своему, так что биографам не стоит сравнивать это художественное описание с исторической хронологией.

Родился будущий генерал 1 октября 1771 года. С пелёнок был записан в гвардию. Так было принято, и так батюшка – генерал-поручик – повелел. И когда к Милорадовичу-старшему приходил в гости его боевой товарищ, ещё не граф, но тоже генерал, Суворов Александр Васильевич, и они садились пить чай и вспоминать «минувшие дни и битвы, где вместе рубились», маленький Миша получал от будущего генералиссимуса главный наказ:

– Помни: кто хорош для первой роли, тот не годен для второй! Учись военному делу надлежаще! Делай, как твой отец и как я, – и тоже будешь генералом! Бог мой, вперёд!

Исполнял наказ добросовестно. В девять лет – подпрапорщик, в пятнадцать – прапорщик. То есть ещё не офицер, но уже знаменосец. А на следующий год поручик Михаил Милорадович участвует в русско-шведской войне. Чины следовали ему, и службы он не оставлял. Капитан, через год полковник, в двадцать семь неполных лет – генерал-майор, шеф Апшеронского полка. Всё сбывается в этой жизни, если очень сильно хочешь.

Ещё нет орденов на его мундире, но слава уже шагает впереди. Он тоже, как и Суворов, «отец родной солдатам», хотя по возрасту кое-кому из них годится в сыновья. Мушкетёры-апшеронцы его полка клялись, что готовы идти за ним в огонь и в воду. А судьба только и ждала случая, чтобы это проверить.

У местечка Альтдорф (это уже Швейцарский поход 1799 года) русская армия попала в ловушку. Дальше пути просто нет: с трёх сторон отвесные скалы, и через реку уже не перейти, потому как французы подожгли мост. Он горит и вот-вот рухнет в пропасть. Лошади встали, храпят, мордами крутят. Как замороженные, уставились солдаты на бушующее пламя – и ни шагу. Никто не хочет помирать. А молодой генерал мигом спрыгнул с коня, шпагу наголо – и в огонь! Только крикнуть успел:

– Бог мой, вперёд! Делай, как я!

За ним, по одному – ротные командиры, солдаты, а следом обозники, мешки на морды лошадям накинув. Все прошли.

За последней повозкой брёвна рухнули вниз. Только к тому времени полк уже разбил французов, взяв половину в плен.

Донеслось до фельдмаршала Суворова мигом. Командующий армией вызвал шефа Апшеронского полка к себе и сказал сурово:

– За смелость хвалю, а бравады лишней не надобно, тебе ещё долго России служить!

Но в реляциях сына своего боевого товарища не забыл – первые ордена на мундире Милорадовича-младшего засверкали. И бывало в том походе (да и в Итальянском тоже), что отправлял генерала на помощь другим полкам, не раз так бывало.

Когда русскому отряду предстояло под неприятельским огнём переправиться через реку Верону, Михаил Милорадович прибыл из ставки в парадном мундире, при орденах. Выехал вперёд. Адьютант предупредил:

– Неприятель целит в вас!

– Бог мой! Поглядим, умеют ли они стрелять.

И поскакал к реке, крича пехоте:

– Делай, как я! Не отставай!

И солдаты пошли за ним. Настоящие храбрецы в огне не горят и в воде не тонут. Словно тридцать три богатыря, все красавцы удалые, великаны молодые из воды вышли, на штыки взяли неприятеля и обратили в бегство.

Адьютанта того ранило. Лошадь под Милорадовичем убило. А у него – ни царапины. В другом сражении под ним уби-

ло три лошади. Он словно на себя огонь вызывал, сверкая золотыми эполетами на мундире.

Как-то окопался полк в обороне. Откуда ни возьмись – французы, туча тучей. Похоже, не отбиться. Поскакал вдоль траншеи, каждому солдату в душу заглянул:

– Их много больше! Не осилим, братцы! Всех сомнут, поколют! Надо в контратаку идти! Давайте, чудо-богатыри! Бог мой, пошли-и-и-и!

И сам соскочил с лошади, саблю из ножен вынул, пошёл, не оглядываясь, обгоняемый чудо-богатырями. Смелого пуля боится, смелого штык не берёт. А французу смелости не хватило, испугался, повернул...

А потом был знаменитый переход через перевал Сен-Готтард. Перед отвесными скалами войско встало, отказалось идти дальше. Да и куда идти? Не исполнить приказ Суворова – помилуйте, да возможно ли такое?! Семидесятилетний худой старик молча смотрел на своих солдат. Потом взял лопату и начал ковырять каменистую землю:

– Здесь похороните меня, вы более не дети мои, и я более не отец вам!

Растроганные солдаты бросились к фельдмаршалу, отняли лопату:

– Веди нас, отец родной! Посмотрите ещё раз на картину «Переход Суворова через Альпы». В самом центре этого большого полотна – солдат улыбается! Всем страшно, а он улыбается во весь рот. Суриков писал картину к столе-

тию Итальянского похода. Никого из участников тех сражений уже не было в живых. Остались только воспоминания: «Бедные животные обрывались с узкой тропинки и разбивались о камни. Случалось, что лошади увлекали за собой и людей; каждый неверный шаг стоил жизни. Шли по неизвестным тропам, потому что все местные проводники сбежали от нас».

Внизу – неприятель. Если упасть ему как снег на голову, есть шанс победить. Но есть ли шанс остаться в живых, если кинуться с такой кручи? Первым решил испытать судьбу генерал Милорадович. Это он смеётся в центре, готовый спрыгнуть с чудовищной высоты. Только не мог Суриков написать правду: негоже генералу собой так рисковать, это дело солдатское. Но это было. И вслед за своим командиром пали с небес на голову неприятелю сотни русских солдат. Делай, как я, – вот и весь секрет победы.

При переходе через Альпы полк Милорадовича потерял почти треть состава. Тяжелее потери будут у него только в 1805 году, в битве под Аустерлицем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.